

18+

Алексей Брайдербик

Миниатюры и рассказы

Алексей Брайдербик

Миниатюры и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67029156

ISBN 9785005589590

Аннотация

Данная книга компиляция из ранее опубликованных произведений. В книгу входят рассказы и миниатюры из книг: «Поход за мертвым градом», «Деревя у рубежа зимы», «Разные прозаические наброски» и др.. Также книга включает в себя новые произведения, написанные в 2021 году.

Содержание

Дрессировка денег	7
Мысли на эту осеннюю неделю	13
1	13
2	14
О смерти человека	15
Прозаическая зарисовка	16
ПОХОД ЗА МЕРТВЫМ ГРАДОМ	17
ГЛАВА 1	17
1	19
2	20
ГЛАВА 2	22
ГЛАВА 3	28
ГЛАВА 5	32
1	33
2	34
3	35
4	36
5	37
6	38
7	39
8	40
9	41
10	42

11	43
Бесконечные замирания	44
2	45
Ловля букв	46
Тонна проблесков	47
Прыжки по цифрам	48
Сон, о котором я пишу	49
Я бы хотел	50
1	50
2	51
Я такая же неисправность, как и все	52
Портной	53
Утро с чудовищами	54
1	54
2	55
О вещах в прозе	56
Хворост	57
Моя сабля	58
Нитка и игольное ушко	59
Услышать и сказать	60
Пара	61
Побег от вопросов	62
Волк, воющий на луну. Продолжение	63
Долго и долго	64
О захоронениях	65
Гости и ты	66

Отрывки, зарисовки и то, что пришло в голову	67
1	67
2	68
3	69
Лечебница	70
Пастух	71
О жизни обычного лемура	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Миниатюры и рассказы

Алексей Брайдербик

© Алексей Брайдербик, 2021

ISBN 978-5-0055-8959-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дрессировка денег

Могу ли я сказать, что деньги – это самое важное в моей жизни? Мои деньги – это груз, но такой груз, который не тяжело держать между мягкими стенками кожаного кошелька.

Впрочем, кошелек не единственное место, где я держу деньги, у меня есть еще пара тайников, куда я складываю излишки денег. Для любого тайника найдется своя определенная вещь.

О своих тайник я могу сказать вот что: это две стеклянные банки черного цвета. Понятное дело, цвет выбран специально, чтобы никто не смог сразу определить содержимое банки.

Я храню их в книжном шкафу. Шкаф высокий – в нём десять просторных полок, на каждой может вполне уместиться человек. Но его размеры – это не особенность дизайна, а мой просчет: покупая его, я не совсем правильно рассчитал длину.

В самой верхней части книжного шкафа, в торце, есть небольшая съемная панелька. Если ее осторожно отодвинуть, под ней обнаружится довольно вместительное углубление. В него-то я банки с деньгами и прячу. Банки небольшие, они хорошо помещаются в углублении, однако ничего кроме банок туда уже не влезет.

Съемную панельку можно разглядеть, только если подой-

ти к шкафу и внимательно исследовать торец. Лишь тогда удастся заметить (при подходящем освещении) прямоугольную линию, почти сливающуюся с фоном.

Как-то на днях мне случайно попала газета с очень занятной статьей. Из нее я узнал об одном парне моего возраста, предпочтений и взглядов, мы с ним даже родились под одним знаком зодиака – до чего же жизнь любит удивлять и обескураживать совпадениями.

В заметке говорилось, что этот парень научил свои деньги выполнять разные забавные трюки. То есть он занимался дрессировкой денег, причем довольно успешно, если судить по восторженному тону статьи.

После этого я стал одержим идеей дрессировки собственных денег. Я решил: «Хватит им лежать без дела в тайниках и кошельке».

Я вытащил из тайника банки и высыпал из них на письменный стол все деньги. Проверил, не прилипла ли какая-нибудь купюра к дну банки.

Каждую купюру я внимательно осмотрел со всех сторон. Однако в этот момент я засомневался: получится ли у меня обучить деньги хоть какому-то кульбиту? Мне кажется, что даже самые непритязательные и простые на вид трюки, вроде прыжков или хождения вереницей по кругу, будут для них сложными, если не сказать – невыполнимыми.

Итак, я приступил к дрессировке своих денег. Какое же это оказалось долгое и утомительное занятие! Десять дней

у меня ушло на то, чтобы заставить деньги слушаться моих команд, следовать моим указаниям и внимать настойчивому голосу. Примерно столько же времени или чуть больше, я потратил на то, чтобы они действовали согласованно.

Я добился того, что научил деньги по одному-единственному моему хотению и жесту руки выстраиваться в шеренгу – аккуратную и стройную шеренгу. Наверное, даже углы и грани моего письменного стола были не такими идеально ровными и симметричными, как шеренга денег.

Я научил деньги маршировать друг за другом «змейкой», то есть двигаться зигзагами от одного края стола к противоположному.

Деньги маршируют зигзагами и не ленятся выводить красивый и ровный изгиб или поворот. Еще у них хорошо получались кувырки в воздухе.

О чём я хотел рассказать? Ах, да! По какой-то причине я захотел устроить маленькое шоу с участием денег.

Единственное, с чем я не мог никак определиться, так это со зрителями. Для кого я собирался давать представление? Людей я не стал бы приглашать – не стоит никого отрывать от дрессировки их денег. Я сам, например, не обрадовался бы, если кто-то из соседей или посторонних людей стал бы отрывать меня от такого важного дела, как дрессировка денег.

Да и сами деньги, скорее всего, возмутились бы подобной бесцеремонной наглости. Они, значит, прыгают, бегают, вы-

полняют чужие команды. Изнуряют себя ради чьей-то прихоти, и на тебе – появляется странный парень и уводит за руку твоего дрессировщика неизвестно куда.

Полагаю, что, если бы кто-то из моих друзей или родственников пришел ко мне и сказал: «Я выдрессировал свои деньги, теперь они умеют столько всего! Приходи на шоу – они покажут всё, чему я их научил», – я бы пошел посмотреть.

Шоу, в котором деньги выступают главными героями и показывают, как надо красиво делать кувырки и кульбиты, – стоит того, чтобы повременить с дрессировкой собственных денег. Тем более я бы не упустил шанса похвалить дрессировщиков за их старания и труды.

И все же в своем деле я был огражден от всех, и я сказал себе, что зрителем шоу буду я и только я, и никто кроме меня. Когда же мне устроить шоу? Этот вопрос возник буквально на третий день дрессировки денег. Я подумал и решил, что суббота подойдет лучше всего. В будни я занимался совсем посторонними вещами, а воскресенье я собирался провести в другом месте, и потому – суббота.

В тот день мне пришлось хорошенько потрудиться: соорудить импровизированную сцену из двух столов – обеденного, который стоял в кухне, и письменного. Получилось очень удачно: столы оказались и по ширине, и по высоте одинаковыми. Я придвинул один к другому и накрыл белой простыней.

Деньги толпились на стуле. Я увидел, как они дрожат, переминаются с ноги на ногу и перешептываются.

И только я приготовился объявить деньгам первую команду, как вдруг услышал подозрительный звук. Я пошел проверить и увидел, что в ванной прорвало трубу. Вода заливала мою квартиру. Воды было почти по горло, да нет, не почти, а буквально по горло, я плавал, словно рыба в аквариуме из бетона и кирпичей. Держался то на глубине, то у поверхности – греб руками и ногами, выныривая, ловил ртом куски законсервированного квартирному воздуха. Я добрался до ванной, с помощью вентиля на трубе перекрыл воду, а потом долго откачивал ее.

Пришлось вызвать слесаря, чтобы он починил трубу.

Но как же мои деньги? Бедняжки настолько промокли, что их пришлось очень бережно брать в руки, поскольку они до такой степени размягчились и раскисли, что практически разъезжались под пальцами. Впрочем, возможно, они и до этого были довольно ветхими.

Купюры я развесил сушиться на веревках в кухне и ванной. Вода – губительная, беспощадная – частыми каплями стекала с купюр. Во мне бурлило негодование из-за случившегося!

Стоило ли возобновлять шоу? Стоило ли повторять всё, что было порушено? Однако я предпочел сделать новое шоу, только позже. А сейчас нам всем – и мне, и деньгам – надо было повисеть на веревке в ванной или в кухне и хорошенько

подсохнуть.

В ближайшие дни мне предстоит изнурительная однообразная работа: придется долго убираться в квартире.

Мысли на эту осеннюю неделю

1

Смерть подкладывает человеку под голову мягкую подушку.

2

Для каждого чудовища этой жизни у меня приготовлен особый поводок.

О смерти человека

Продолжение

Солнце садилось. Дул холодный ветер. Я оставался мертвым. Грудь разорвана пулей. У судьбы для меня не осталось шансов.

Раздался неясный шум. Я решил, что пришли опознать мое тело, и приподнял голову. Но машина проехала где-то невдалеке на большой скорости.

Прозаическая зарисовка

Я самый ловкий и хитрый охотник. Я могу выследить любую добычу. Единственный, кого мне не поймать – это я сам, хоть я и пытался это сделать не раз. Похоже, придется обратиться за помощью к другим охотникам.

ПОХОД ЗА МЕРТВЫМ ГРАДОМ

ГЛАВА 1

Как бы я описал себя сегодня? Рост средний или чуть выше. Цвет глаз... мне всегда говорили, что это нечто среднее между зеленым и черным цветом. Волосы как волосы, не мешало бы их немного отрастить. Интересно, с кем бы меня тогда сравнивали. Еще у меня две родинки на веке и шрам на скуле.

Отправлялись ли вы в долгий поход? У меня шесть братьев, и каждый из них хотя бы раз бывал в таком походе. Это происходило всегда одинаково. В определенный час кого-то из нас просто вытаскивали из кучи и собирали в поход. Из кучи? Да, из кучи. Просто я и мои братья так близки друг к другу, что мы буквально руками и ногами переплетались, обвивали один другого. Вот и выходила куча.

Пять дней назад со мной случилось то же самое: меня разлучили с братьями и отправили в поход. Однако меня никак не снарядили – я вышел без самого необходимого.

До тех пор моим самым долгим и незабываемым походом была небольшая прогулка по заднему двору. Я тогда вышел из дверей и сразу же очутился в прохладной тени старой яблони, положившей ветви на козырек крыши. Я дви-

нулся вдоль высокого железного забора, которым был огорожен задний двор. Меня окружали звуки, доносилось эхочьих-то голосов, то ли знакомых, то ли нет. Я словно плыл в этих звуках и в какой-то момент даже начал грести руками, как пловец в бурном потоке.

А потом и вовсе убедил себя, что течение медленно сносит меня в сторону. Я пошатнулся, закачался. Вдруг забор исчез, яблоня тоже куда-то подевалась, а я всё продолжал грести руками, преодолевая воображаемое течение, и по берегам тянулись живописные долины и рощи.

Я неожиданно вспомнил...

1

...Наконец-то это произошло – хоть и спустя долгие десятилетия – мне удалось построить дом в горах. Но кто теперь поселится в нём?..

2

Пришло время пешком преодолеть родную долину. Почва была мягкая и не каменная, но идти мне предстояло босиком.

Всё так и случилось – я прошел долину и потом шел и шел еще долго.

И что же сейчас? Где я?

Я словно жеребенок, который случайно или по собственной глупости отбил от родного табуна, заблудился где-то на бескрайних пастбищах и теперь в одиночестве смотрит на горы. Почему горы? Откуда они? Это каким-нибудь образом связано с тем, где я находился? Наверное. Я смотрел, как горизонт покрывался бороздами, топорщился складками. К этим холмам устремлялись мелкие тропки, на которые распадалась дорога.

Вид гор заставил меня вспомнить о детстве и об одном эпизоде из него. Однажды конюх вывел нас, молодняк, пастись на широкий луг у подножья таких же гор.

Я лежал на траве в окружении своих братьев и сестер и всматривался то в заснеженные заостренные вершины гор, то в темные склоны, то туда, где горы переходили в долину. Ветер скользил по нашим бурым гривам и раскачивал сви-

сающие ремни упряжи, которую держал конюх...

Но пора в поход! И я пошел по дороге.

ГЛАВА 2

За горами, после того как я их преодолел.

Уже в который раз я подходил к краю пропасти. Что я там видел? Наверное, это и был каньон! Тут и громадная глубина, и скалы, нет – скалы не такие, это какие-то каменные сваи, вбитые в землю (вбитые без всякой надобности – на таких сваях дом не возведешь, взлетную площадку не построишь – совсем бесполезные).

Впрочем, это действительно мог быть обыкновенный каньон. Мне надо было придумать, как его преодолеть. Этим я и решил заняться, а пока вспомнил одну историю.

Я решил наконец помириться с соперниками. Мы собрались на заброшенной фабрике вдаль от тех, кто мог бы каждого из нас переубедить, и подписали мирное соглашение. Вдруг какой-то парень, который был среди сопровождавших меня и моих соперников, предложил выкурить трубку мира. Он вынул из сумки, висевшей у него на плече, курительную трубку, набил ее табаком, раскурил и протянул мне.

Как курят трубку мира? Я взял трубку и сделал первую глубокую уверенную затяжку. Обычно, когда человек берёт в губы мундштук трубки и в присутствии людей – их необязательно должно быть много – вдыхает дым, он тут же непременно начинает кашлять, отплевываться и морщиться.

В этот момент люди, окружающие его, начинают громко аплодировать. Это что-то вроде поддержки, по крайней мере, так может показаться со стороны. Сизый дым клубами выходит из его ноздрей и рта.

В руке он держит трубку, которую потом обязательно передает кому-то. Однако захочет ли этот кто-то сделать затяжку? Захочет! Захочет непременно, ведь нельзя просто держать трубку мира и смотреть, как тлеет табак. А дым? Дым, после того как его выдыхают, еще какое-то время облаком витает в воздухе, но на него уже не обращают внимания. Потому что делают новую затяжку.

Однако у меня всё вышло иначе. Первая затяжка далась мне на удивление легко. Я как-то быстро вдохнул дым, даже в горле не запершило. Попытался выдохнуть – ничего! Тогда я стал откашливаться – и снова пусто! Минуту или больше я истязал себя кашлем, но всё было напрасно. Я подумал: «Очень жаль, что я не умею извлекать из грудной клетки легкие и проветривать их. Это помогло бы мне очиститься от дыма!»

В моём роду был человек, который умел вынимать свои легкие и очищать их от всего, что могло им навредить – мой дед. Странное и пугающее зрелище! Он извлекал из себя сначала одно легкое, потом второе, раскладывал на столе и принимался чистить их. Делал он это обычным кусочком ваты или лоскутом ткани.

Чувствовал ли дед в эти минуты что-нибудь, например –

как можно было бы ожидать – боль, недомогание, были ли у него какие-нибудь другие неприятные ощущения? Я как-то спросил его об этом, но он ничего не ответил, только жестом попросил меня не отвлекать. Я стоял и ждал...

Трубка по-прежнему дымилась в моей руке. Но я думал о дыме, который скопился в легких. От него надо было избавиться. Я глубоко и шумно вдохнул (в голове промелькнула мысль: я ведь никогда так глубоко не вдыхал – нос и рот у меня разрывались от этого мощного вдоха) и еще раз откашлялся. Наконец-то! Весь дым из легких вышел наружу. Только почему он был таким черным?..

Я придумал, как перебраться через каньон!

Пригодились бы крылья – большие выносливые крылья, которыми можно махать сколь угодно долго. Однако где бы я мог раздобыть их? Мне не удалось бы смастерить крылья своими силами – не было ни материалов для этого, ни заготовок. Ни даже старых поломанных крыльев, которые можно было бы починить и затем использовать для полетов.

А в чём бы я носил громадные крылья? Понятно, что маленькие и хилые – бесполезны, так что, если уж обзаводиться крыльями, то только огромными, чтобы они цеплялись крайними перьями за землю, когда сложены за спиной, а верхом ломали бы дверные косяки. Я бы носил их с собой в громадной сумке или специальном чехле, такие чехлы, подумал я, рассчитанные на ношение крыльев, где-нибудь можно заказать. Скорее всего, там же, где делают крылья.

Моя семья владела крыльями, правда единственной парой. Никто из моих родных не пользовался ими, но не потому, что не умели ими махать, чтобы научиться этому – достаточно найти того, кто достиг успехов в махании крыльями.

Суть в другом: для каких целей имгодились бы крылья? Для чего их примерять, расправлять и размахивать ими? Бережно упакованные – я сам этим занимался – крылья аккуратно были сложены на шкафу. Они были придвинуты к стене и накрыты старым одеялом, покрывалом и простыней. И страшно было подумать, сколько еще они там моли пролежать. Радует только то, что с крыльями ничего не могло произойдет – от времени они не истлели бы и не износились. Почему моя семья не подарила их кому-нибудь или не продала?..

...Еще вариант: разрушить каньон. Мой старый друг, с которым я долгое время проработал на одной фабрике, однажды оказался в ситуации, которая, по сути, не отличалась от моей. Из-за долга перед людьми и обязательств перед семьей он был вынужден перебраться из одной части света в другую. Какая же преграда возникла перед ним? Каньоны и горы. Гор оказалось так много, что он даже сжал кулаки и раздраженно воскликнул: «Сколько гор!»

Он рассказывал, что на мгновение вдруг вообразил себя молодым плантатором, однако его плантация выращивала не растения, а настоящие горы со снежными вершинами. Его бизнес процветал, богатство множилось изо дня в день. Он

мог вырастить любую гору, какую захотел бы. Все самые известные и живописные горы и горные хребты принадлежали ему, и каждый мог купить себе гору. Цены доступные. Спрос необъятный.

Как мой друг поступил с каньонами и горами? Сокрушил их: руками и зубами расцарапал и разгрыз камни каньонов и гор. Он сфотографировал тогда результаты своих стараний и часто показывал мне эти снимки. На том месте, где он работал с особенным усилием, сокрушая все подряд, образовалась впадина с пологими краями. Впоследствии там построили курортный город. А друг? Добрался ли он туда, куда хотел? Да, конечно! И путь тот ему дался легко.

К несчастью, я ничего грызть не умел. Я не был приспособлен для этого. А значит, приходилось дальше ломать голову над тем, как пересечь каньон.

Я подумал: не попросить ли каньон, чтобы он позволил мне перебраться на противоположную сторону. Я поспешно сел на землю, поджал ноги и зажмурился. Почему зажмурился, а не просто закрыл глаза? Мне показалось, этого будет недостаточно. Глаза вращаются под веками, и некому было успокоить их.

Я попросил каньон помочь пересечь его, и в ответ на мою мольбу земля подо мной затряслась. Я чуть не свалился с края обрыва. Скалы в каньоне зашатались, закачались с такой силой, что голова закружилась. А скалы тем временем сточились до кусочков размером с гальку. Дно каньона ис-

чезло, его края сомкнулись, осталась узкая – в пару сантиметров – и необычайно прямая трещина. Я мог бы пройти вдоль по ней – и подошвы не застряли бы. Никогда и нигде они не могли бы застрять!

ГЛАВА 3

Поднимавшееся над горизонтом солнце светило мне в спину. Я нес на спине и плечах его молодые лучи и чувствовал, как они согревали меня. С новым днем за плечами я оказался недалеко от домов, запертые двери и ставни которых были обращены ко мне.

Какой маленький городок! Я мог бы при желании обойти крошечные домики из камня цвета травы с черепичными крышами в два-три шага. Или взять, например, обычную лопату и выкопать участок земли, на котором они стоят, а потом принести его домой и поместить в аквариум.

Вспомнился мой город: я осознал, что ничего не знал о нём. Он просто однажды появился: из земли проросли здания, улицы и проспекты проступили из-под почвы, остальное возникло из воздуха.

И люди... они как-то сами невзначай селились в нём. Это было похоже на чудо: сначала город стоял совершенно пустой (и непонятно было, для кого он здесь), а затем улицы и проспекты неожиданно заполнили толпы людей. Откуда они пришли? Почему именно этот город они выбрали? Зачем они в нём остались – не ушли в другое место и там не собрались в толпу?

К чему это я? Уже и не вспомню. Наверное, задумался о человеческих поселениях вообще. А это был новый вид

таких поселений – их можно было найти только в особенно густых и непроходимых лесах. Я не знал, как называется этот лес. Решил, что потом подберу ему какое-нибудь название.

Попасть сюда было непросто.

Сотни и сотни деревьев обступали селение плотным кольцом. Если смотреть на них с очень близкого расстояния, казалось, что это не деревья и не заросли вовсе, а гротескные наплывы из сплошной коры, стволов, крон, ветвей. Чтобы спилить их, понадобилась бы какая-нибудь особенная пила, с бесконечно твердыми зубьями. Оставалось разве что найти дорогу к фабрике, где делали такие пилы.

Впрочем, и в этих зарослях были неширокие промежутки. У меня за спиной остался тот, по которому я пришел. Впереди за домами я разглядел еще по меньшей мере два прохода. Туда я намеревался пойти, когда наступит время себя удивить.

Внезапно в окнах домов я заметил какое-то движение. Это продолжалось минут пять или десять от силы, а потом деревянные двери с железными замками одновременно – я поразился, насколько синхронно это произошло, – заскрипев, распахнулись, и из них вышли люди. Все они были одеты – для меня всё, что можно надеть на себя, чтобы скрыть тело, представлялось просто одеждой – они были одеты во что-то бордовое, не имевшее никакой определенной формы, может быть, просто в куски ткани.

Местные жители выстроились передо мной в один ряд

и хором негромко поприветствовали меня. Я не стал молчать (меня же воспитали так, чтобы я не молчал, когда ко мне обращаются по-дружески) и в ответ поздоровался. Меня нигде и никогда не приветствовали. Я всегда проходил мимо людей и лишь слегка касался их ледяной обескровленной рукой. Но в этот раз мужчины и женщины принялись вынимать из складок своей одежды маленькие венки из веток с листьями и класть их у моих ног. Я поднял один. Листья на нём оказались засохшими, как и на остальных венках.

Я спросил, не обращаясь ни к кому особо, почему листья на венках сухие, а не живые. Мне тут же ответили, однако, как мне показалось, голос – это был именно мужской голос – прозвучал откуда-то со стороны, а не от людей, впрочем, может быть, и вправду кто-то находился у меня за спиной, кого я не видел. У них в городке не принято осыпать гостей живыми цветами, листьями, объяснил голос.

Я собирался шагнуть, и люди, поняв, что я намерен сделать, покорно расступились. Жестами они предложили мне подойти поближе к их жилищам. Меня не интересовали их дома. Я поблагодарил всех и пошел вперед, но пройдя совсем немного, почувствовал себя одиноким. Рядом со мной не было людей.

Я резко обернулся, чтобы посмотреть в лица приветствовавших меня несколько минут назад людей, и обнаружил, что удалился от них слишком далеко, чтобы разглядеть выражения их лиц. И я вернулся.

Я был среди людей – мой взгляд поминутно задерживался то на одном лице, то на другом. Было бы лучше растолкать людей ногами, руками, плечами – но я этого не стал этого делать. Да что там, я бы и не сумел. А всё почему? А потому, что путь к одним мне преграждали другие люди. Их лиц я не видел. Но даже с ними я знал, как поступить: я просто перешагивал через них.

Если кто-нибудь скажет, что перешагивать через людей (я уточню: незнакомых мужчин и женщин) – трудная задача, я отвечу: это не так. Наоборот, это проще простого, достаточно иметь при себе раскладную лестницу. У меня, кстати, имеется такая. Ты прислоняешь к спине какого-нибудь человека лестницу – только осторожно, а не то он попытается скинуть тебя – и потом быстро карабкаешься по ней ему на голову и прыгиваешь на другую сторону. Я всегда так делаю.

Мне предложили пожить в этом городке какое-то время. Я не знал, кто из местных жителей отважится поселить меня в своем доме, и это пугало и приводило в недоумение. И всё же я не стал отказываться.

ГЛАВА 5

Я занялся изучением городка. Впрочем, мои бессмысленные шатания по городу едва ли можно так назвать. Разве это изучение? Так, бесцельная прогулка по городу.

Я петлял между домами, мой шаг был сбивчив, он хотел сбежать от меня, вырваться из-под ног. Я едва не приваливался к стенам. Пару раз я падал на землю и сворачивался калачиком. Ногами и руками не шевелил, зато голове позволил свободно болтаться – эх, моей голове постоянно не терпится как-нибудь подвигаться! Полежав несколько секунд, я быстро поднимался, отряхивал одежду и шел дальше.

Я находился среди десятков закрытых наглухо ставней и крепко запертых дверей, к которым я пока не успел привалиться плечом. В своей жизни я не раз замечал между оконными стеклами, стенами, дверями и в щелях между запертыми ставнями людей, которые всем говорили: «Я – очередные гости из очередных „далеких“ мест».

Я выяснил, что за некоторыми домами прятались другие здания, они тоже были жилыми, однако внешне разительно отличались и строений «первого ряда» и друг от друга.

О домах, о жильцах и о всяком...

1

В первом доме живет некто, называющий себя гостем. Но ведь я тоже гость, и все жители городка обращаются ко мне не по имени – я своего имени им не говорил, – а называют Гостем. И что это значит? Согласится ли тот человек впустить меня в свой дом?

2

В доме с треугольной крышей (треугольник не равнобедренный – одна сторона значительно длиннее другой) живет человек, называющий себя основателем города. Однако остальные не верят ему.

3

В доме, который находится в десяти-пятнадцати шагах от предыдущего, есть дверь без ручки, щеколды или замка. Что касается окон, то их ни с какой стороны не видно. Да и зачем они нужны, разве одной двери не достаточно? У меня нет желания проникнуть в этот дом. Что бы я там делал, чего бы я требовал от себя, оказавшись в нём? Я и от своего родного дома не знаю, чего требовать.

Давным-давно в моём городе был один заброшенный дом. Я через день приходил к нему, вставал напротив двери и ждал, пока меня не позовут пойти куда-нибудь, где будут совсем другие люди. Занятие это – нахождение на одном месте, которое никогда не меняется, а его ничто внешне не меняло, ни люди, ни природа, – довольно утомительно.

И когда меня одолевала скука, я принимался развлекаться следующим образом. Я набирал полную руку мелких камешков, передавал их тени от дома и просил, чтобы она показала, как умеет перекатывать камешки на своих волнах. Это зрелище заслуживает упоминания.

Тень начинала колыхаться, вся покрывалась высокими черными волнами. Волны поднимали камешки и несли то в одну сторону, то в другую. Камешки не разлетались по округе, не соскальзывали с гребней волн, они словно сами превращались в волны, способные сдвинуть меня с места и унести с собой за пределы городка. Однако я знал и чувствовал собственную неуязвимость.

Камешки в моей ладони часто увлекали меня всего вниз – одна рука у меня была занята ими, а другую я вскидывал вверх. Моя несчастная рука пребывала неизвестно где надо мной, то ли над головой, то ли где-то еще, и я не мог опустить ее.

5

Раз в год жители города привечают у себя одного человека. Он предпочитает селиться где угодно в городе, и местные жители, узнав о его появлении, непременно идут искать его.

6

Меня настойчиво просили, меня до хрипоты умоляли остаться в этом полуразрушенном, наполовину рассыпавшемся доме. В нём живет семья: мужчина, женщина и ребенок. Мужчина поддерживает крышу дома, женщина следит, чтобы стены не разрушались, и лишь ребенку досталась единственная целая часть дома – пол.

7

Однажды мой брат приобрел бинокль для слежки за временем. У жителей этого города нет часов, ни песочных, ни механических. Зато у кого-то из горожан я видел старый бинокль.

8

Я знаю одну мастерскую, где изготавливают разные мысли. Я описать не могу, как это прекрасно и как я доволен. Ее открыли две недели назад в соседнем доме. Я на днях собираюсь заказать там себе парочку монументальных мыслей.

9

Я повторял про себя: «Я мореплаватель, и у меня чутье на приличные корабли».

10

Сегодня я узнал, что капитанам лучших кораблей строят большие и красивые дома с видом на что угодно, кроме морских просторов. Я молодой мореплаватель, но мне по какой-то причине построили дом, из окон которого видны глубины любых океанов и морей.

11

Последняя цифра. Завершающая мои блуждания находка. Я оказался на краю городка и понял, что не хочу продолжать идти вперед. Дальше начинались деревья: корни, стволы, кроны. Я бы ничего интересного для себя не нашел среди них.

Я не замешкался и повернул обратно.

Бесконечные замирания

1

Этот прекрасный солнечный день пнул меня. Ну, не совсем пнул, а скорее подтолкнул. Но что это был за толчок!

2

Я купил себе вечную жизнь. Но купил не целиком, а лишь частями.

Ловля букв

Сегодня днем я ловил буквы. Как это происходило? Особых сложностей не было. Я взял с собой книгу с чистыми страницами, открыл ее на первой попавшейся странице (я не выбирал, на какой именно), поставил на землю и, спрятавшись за громадным кустом, принялся ждать, когда появятся буквы.

Ожидание продлилось не больше получаса. Буквы прибежали маленькой стайкой, они сначала окружили книгу, а после одна за другой стали запрыгивать на ее страницы. В конце концов все до единой прилипли и запутались среди невидимых строк. Я выбрался из укрытия, поднял книгу и быстро перелистнул страницы, заполненные буквами. Оставалось еще много пустых страниц.

Тонна проблесков

Меня поселили в амбаре, ведь я должен где-то содержаться. Я знаю, что есть другие амбары, но они уже заняты представителями моего известного и могущественного рода.

Прыжки по цифрам

Я прыгаю по цифрам, но не по всем, а только по тем, которые вижу перед собой. Они прочные, с широкой и надежной поверхностью, с них не упадешь и не оступишься. Теперь, когда я прыгнул на последнюю – позади у меня немало разных цифр – но мне больше некуда прыгать. Что дальше? Видимо, придется позвать еще цифры. Я громко крикнул:

– Эй, цифры, вы где? Вы мне нужны. Я хочу попрыгать по вам.

Сон, о котором я пишу

С каким сном мне придется сегодня спать? Я лежу на большой постели в мрачной комнате с единственной дверью и с множеством окон. Я жду, пока тот, кого я впустил, подбежит к кровати на цыпочках и разбудит меня – или заставит уснуть. Я нахожусь где-то на своем ложе, на какой-то его стороне и взываю о помощи.

Я бы хотел

1

Я бы хотел перелезть через свой маленький домик, потом через высокий небоскреб, рядом с которым стоит мой дом. Я бы преодолел одним шагом улицу, на которой живу, свой район и весь город. Однако мне пока едва удастся преодолеть дверной проём, соединяющий две комнаты.

2

Любая тайна – это манул, сидящий в высоких густых камышах. Ты задумал пройти сквозь них, ты даже уже начал погружаться в заросли, как вдруг на тебя нападают. Этот зверь – манул, он так внезапно нападает, что ты даже не успеваешь понять, откуда он появился. А зверь, может быть, всё это время ходил вокруг твоих ног.

Я такая же неисправность, как и все

Я – неисправность и знаю, что существуют и другие неисправности – большое и дружное семейство неисправностей. Однако мне до сих пор не удалось стать частью их семьи, хотя я считаю себя достойной иметь кучу братьев и сестер. Да что там, я не могу даже просто познакомиться хотя бы с одной неисправностью.

Я вижу, как неисправности, собираясь группами, выходят из одних механизмов и проникают в другие, после чего механизмы ломаются. Неисправностей много, и все они живут счастливой семьей. Но почему же они не зовут меня к себе?

Портной

В нашем поселке я единственный портной. Здесь я создал миниатюрную сеть фабрик и ателье по пошиву самой разной одежды. У меня много тканей и ниток, они не рвутся и не запутываются. Я шью хорошую одежду.

Как-то всеми свитерами, пиджаками, брюками и куртками, которые у меня оставались лишними, я устелил всё свободное пространство вокруг поселка. Однажды я вышел из ателье и, поглядев вокруг, увидел, как из окон в окна домов протягиваются длинные цепочки сшитых между собой одежд.

А сколько улиц и переулков я полностью покрыл одеждой! Люди приходили и брали себе всё, что им нравилось. Я портной и одеваю всех, кто нуждается в одежде.

Утро с чудовищами

1

Сейчас девять часов утра, и я готовлю завтрак для себя и моих жутких чудовищ. А что у них и у меня на завтрак? Мясо с кровью! И им мы будем утолять свой бесконечный голод.

2

И снова о чудовищах. Со своими чудовищами я играю в прятки, сначала я прячусь, а они меня ищут. Каждый раз я молю Бога, чтобы они меня не нашли. Но хотя дом, в котором мы все живем, большой и в нём есть места, где можно хорошо спрятаться, чудовища всё равно, увы, меня находят. И когда это случается, я кричу сквозь смех: «Это я! Это я!» Потом они разбредаются по дому и прячутся, а я отправляюсь на их поиски. Чудовища боятся, что я их найду, потому что, когда я обнаруживаю их, я кричу: «А вот и вы! А вот и вы!»

О вещах в прозе

Добро пожаловать в этот мир, в этот незнакомый город, у которого нет названия, в этот переулок, похожий на лабиринт. Ты можешь спрятаться от любопытных глаз за первым попавшимся углом. Это мое самое главное обещание. Но я не уверен в нём. Из-за каждого угла в этом переулке – таких в нём сотни – выходит такой же, как и ты, человек и пытается увести за собой. Даже сейчас они все смотрят на тебя немигающими и оттого какими-то по-особенному жуткими глазами.

Хворост

...Однако мой собеседник, не ответив, развернулся и поспешно скрылся за деревьями. Мне предстояло одному без чьей-либо помощи нести эту большую вязанку хвороста. Я с трудом неуклюже взвалю ее на спину, и, еле переставляя ноги, двинусь к дому. Я так сильно согнусь, что буду видеть только землю перед собой. У меня затрясутся колени и заслезятся глаза от натуги...

Но оглядевшись, я вдруг понял, что это не мои родные места. Я не знаю, как сюда пришел, и не знаю, как уйти отсюда. Кругом высокие деревья, а надо мной голубеет пятно далекого неба. С какой стороны я пришел, и в какую сторону мне теперь двигаться? Я встаю на кучу хвороста, раскидываю руки в стороны и закрываю глаза.

Я взял тучу и обернул ее вокруг шеи, как шарф. Потом я посмотрел на себя в зеркало – с тучей вокруг шеи я выглядел замечательно, по последней моде. Тогда я подумал, что, может быть, мне стоит поучаствовать в модном показе. Я бы прошелся по подиуму и позволил себя много-много раз сфотографировать.

Моя сабля

Мне подарили саблю, правда я пока ни разу не пытался нанести с ее помощью кому-либо урон. Думаю, что мне вообще вряд ли представится шанс пустить ее в дело, поскольку я никогда и никуда не беру саблю с собой.

Она просто лежит у меня под кроватью – и всё! Хотя, наверное, нужно временами показываться с ней на улице, чтобы убедить остальных, что я такой же полноправный член общества, как и они. Я могу выйти на улицу, вклиниться в толпу, взмахнуть саблей и объявить во всеуслышание, что всё общество создано для меня. До сих пор я не встречал попыток разубедить меня в этом.

Дома я могу просто подержать саблю в руке.

Нитка и игольное ушко

Я уже минут пятнадцать пытаюсь вдеть нитку в узкое игольное ушко, но у меня ничего не получается. Конец нитки всё время проходит то справа, то слева от ушка. Мне это уже порядком надоело. А зачем я хочу продеть нитку, мне надо срочно что-то зашить? Нет, не зашить, а пришить. И что? Я хочу пришить к своей коже нашивку с ликом нашего предводителя. Мы все так делаем, пришиваем к себе нашивки с портретом нашего предводителя. Он же к собственной коже пришил нашивки с нашими изображениями.

Услышать и сказать

Я многое здесь услышал. Я многое здесь сказал. Сейчас я понимаю, что потратил впустую время. Я устал от лишней информации, и у меня пересохло в горле от разговоров. Поэтому я, пока все слушали и потом переговаривались друг с другом, незаметно присел на корточки. Я видел только стоявших передо мной людей. Нигде не скрыться от них. Каждый по очереди обращался ко мне, говоря:

– Ты тут, я тебя вижу!

Я мог бы, сидя на корточках, двинуться в какую-нибудь сторону, но мне мешали люди. Они все постоянно отвлекали меня тем, что обращались ко мне. Мне было трудно передвигаться полусидя. Я только подпрыгивал на месте, словно лягушка, и переносил вес тела с ноги на ногу, чтобы дать им отдохнуть по очереди.

Пара

В нашем обществе принято так: сначала мы разбиваемся на пары (хотя я бы лучше сказал, что мы составляем дуэты), затем придумываем себе какое-нибудь громкое, пафосное название. Один идет впереди и размахивает руками, а идущий за ним сильно пригибается. Дело в том, что первый заслоняет своим телом второго от всех стрел и копий, что летят в них. Всегда есть кто-то, кого хотят ими поразить, но для чего и зачем – непонятно. Стрелы и копья попадают точно в грудь впередиидущего, они застревают в его плоти, но не убивают, они даже не причиняют ему страданий. Человек не пытается извлечь их из себя, он и своего подопечного не просит об этом. К слову сказать, я и сам один из пары. Я тот, кто всегда шагает впереди.

Побег от вопросов

От этих странных вопросов никуда не деться: не превратиться в кого-то другого, и уж тем более на них не дашь даже таких же странных ответов. И всё же мне задают вопросы, а я на них, как это ни удивительно, отвечаю. Например:

– Ты не устал бежать по жизни, словно за тобой гонятся?

Я только отвечаю:

– А что, разве меня и сейчас преследуют? – и резко оборачиваюсь, чтобы убедиться, что за мной нет никакой погони.

Я начинаю волноваться, хотя не вижу никого, кто представлял бы для меня угрозу. Я превращаюсь в птицу или лань и опрометью убегаю или улетаю от тех, кто спрашивал меня. Я спасаюсь от всех, я могу бежать или лететь так долго, что не замечаю, как стираю до крови копыта, как теряю почти все перья из крыльев.

Под конец я оказываюсь в местах, о которых прежде даже не подозревал, встречаю тех, о чьем существовании мне никто и никогда не рассказывал. И здесь я случайно встречаю того, кому я начинаю задавать разные глупые вопросы. Однако наступает минута, когда незнакомец больше не хочет терпеть меня, превращается в лань или птицу и прочь убегает или улетаёт от меня. Я думаю, что за мной, вероятно, кто-нибудь уже гонится, и встревожено озираюсь, ища глазами того, кто бы это мог быть.

Волк, воющий на луну. Продолжение

Луна всё еще надо. Вместе с луной виднеются звёзды. Я слышал, что всякий волк желает обладать своей собственной луной. Так и есть. Если бы я и мои сородичи пожелали получить по кусочку луны, то собрались бы вместе все взрослые волки и волчицы, друг за другом взобрались бы на небо, окружили луну и стали бы откусывать от ее краев.

Каждому свое! Я бы, наверное, откусил бы от луны такой большой кусок, какой только смог бы удержать в пасти. Луна после этого будет вся обкусанная! Но свет ее останется таким же ярким! А вот я не смогу выть так же громко.

Потом все волки один за другим спустились бы на землю и разбежались по своим логовам. Волки несли бы в зубах по куску луны, и их свет озарял бы волкам путь.

Я бы катил свой кусок луны перед собой. Я бы встал на задние лапы, передние положил на луну и, подталкивая ее, покатил бы перед собой. Для меня это уже был бы не кусок, а целая луна, я бы покатил ее через заросли, в свое логово. А там я каждую ночь выл бы на нее, но очень тихо, чтобы не мешать другим волкам выть на свои кусочки луны.

Светаёт. Завтра ночью я приду на это же место и примусь выть на луну и на звезды.

Долго и долго

Настала ночь. Сколько нас на поляне? Одним я легко мог пожать руку, причем неважно кому – главное, что я мог это сделать. Но чтобы пожать руку тем, кто находился гораздо дальше, мне пришлось бы впотьмах долго добираться до них.

Боже, так сколько же народу потерялось, чтобы собраться здесь? Я знаю людей, сидящих неподалеку. И знаю даже тех, что толпятся где-то вдалеке. Я сел на землю от усталости.

О захоронениях

Пришло время избавиться от всех моих поклонников. Мне больше незачем было каждый день смотреть им в глаза. Поэтому я сложил их всех в ящик, по форме напоминающий куб, отнес в лесную чащу и закопал там. Из окна моего дома виден лес. Там, где деревья слегка расступились, начинается тропинка, которая ведет к могиле. Когда я вернусь – заколочу окно досками, а новое прорублю в другой стене.

Если не спешить возвращаться, а побродить по чаще, можно набрести на множество других захоронений, чем-то похожих на то, что устроил я.

Гости и ты

Я хочу скрыться с этой вечеринки: выскочить из зала, без оглядки выбежать на улицу. Что дальше? Быстро пройти улицу, другую, третью. Ускорять шаг, минуя темные переулочки. Уйти не только из своего квартала, но из города вообще, там вырыть себе глубокую землянку – и затаиться.

Однако я понимаю, что однажды мне всё равно придется вернуться на вечеринку и снова оказаться в центре внимания.

Отрывки, зарисовки и то, что пришло в голову

1

Единственная, кому я могу сегодня пожаловаться, – кровать, на которой я лежу.

2

Сегодня при сотнях свидетелей я обручился с солнцем.

3

Все трагедии, что скопились в моей семье, я отнес в ломбард.

Лечебница

Обычный коридор на первом этаже лечебницы – настоящая полоса препятствий. И хотя в этом коридоре с виду привычные стены, а пол с потолком ничем не отличаются от таких же полов и потолков в сотнях других лечебниц, он всё равно представляется одной длинной полосой препятствий. На мне военная экипировка, в руке винтовка, и я собираюсь преодолеть коридор из конца в конец, чтобы там сделать долгую передышку.

Пастух

Это оказался всего-навсего одинокий пастух, который пришел за мной. Он слегка подгоняет меня своим длинным деревянным посохом. Кажется, что я один на этой каменистой равнине. По правде сказать, это самое большое заблуждение. Здесь есть и другие пастухи, которые каждый день приходят, чтобы увести меня. Они действуют так же: посохом подгоняют меня.

О жизни обычного лемура

Много ли я могу рассказать о себе? Я всего-навсего обыкновенный лемур (гибкие лапы, пушистый мех, зоркие глаза, острые зубы и длинный хвост). Впрочем, так я выгляжу без одежды.

По будням и иногда в выходные я ношу строгий деловой костюм: пиджак, брюки, накрахмаленную белую рубашку, черные ботинки и галстук. Комичная, надо признаться, получается картина: стоит на задних лапах лемур в рубашке и брюках, завязывающий на шее галстук. С другой стороны, ничего комичного повседневная жизнь обычного среднестатистического лемура.

Я работаю в организации, занимающийся страхованием имущества. Мы с коллегами сидим впятером в просторном кабинете за столами, поставленными в ряд. Мы заняты в основном однообразной бумажной работой: подписываем договоры, выдаем справки, отвечаем на звонки.

Мы только и можем, что поправить галстук, или перекинуться друг с другом парой слов. И всё же за нашу работу нам платят.

Пять дней в неделю я сам и такие лемуры, как я, исправно приходим на работу в строгих деловых костюмах с папками и портфелями в лапах. Мы не носим портфели и папки с важными документами в зубах – вы когда-нибудь вообще

видели, чтобы приличный лемур так себя вел?

После работы мы расходимся по домам. Но на этом наше общение не заканчивается – ближе к вечеру мы сбиваемся в стаю где-нибудь в парке, снимаем с себя всю одежду, опускаемся на четыре лапы и разбегаемся по парку кто куда. И потом до глубокой ночи мы спим, рыщем по парку. Приноживаемся к каждому дереву, кусту в надежде найти следы тех, кто был тут до нас.

Море позволило мне переплыть себя, горы опустили свои вершины к самой земле, чтобы я мог преодолеть их. Поля и луга сами перенесли меня от одного своего края к другому – мне даже не пришлось двигаться. Я просто стоял на месте, а пространство доставило меня туда, куда мне нужно было. Я стоял посреди долины, окруженной высокими холмами. Я повелел, чтобы появилось кресло, и сразу же, не оглядываясь, почувствовал, что оно возникло у меня за спиной, но не спешил сесть – ведь мне никто этого не предложил. Затем я приказал долине, чтобы в ней было хоть какое-нибудь жилище, и в ту же минуту вокруг меня из ничего образовался зал, обставленный мебелью. Чей-то голос наконец предложил мне сесть, и хоть я не чувствовал усталости в привычном понимании, ни слабости, ни упадка сил, ни отсутствия желания что-либо делать, я всё же опустился в кресло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.